Вракиери своего секретаря отца Габриэля Корреиса и коморника Константина со своими «секретами» и просит принять их «весело и добровольно».

12 июля Тимошка послал из Рима большое письмо «коморнику нашему Констаптину» в Анкону (адрес написан латинскими буквами). Самозванец пишет:

«Иван благодатию божиею сам еже есмы.

Вернемилому и креплему страдальцу за мой живот Констянтину Евдокимовичу милость божия и благословение божественное и утешение полезное, а затем ласка наша и любовь княжеская. Писал к тебе три грамотки: знаем, что тебе мимо уши не пойдет, али писамцо сердцу дойдет, и ништо мимо дело учинити не возможешь и не похочешь для себя а и за нас з готовово (?) составляти по времяни смотря, што оставлено на твоей воли. А указу к тебе не посылаю, потому што скорбию великою за тебя, за великую скудость и недостатки твои на ныне многострадальном пути, и за дело нам зрю на кое тебя послах, али за тебя и за твое здоровье мышлю, како писах, толь сердечно и толь горячо, да мышлю сам и готовлюсь для тебя итти в Якинь. Чаю тебя тамо найти, только подлинно не знаю, и кабы знал не бы и писал: воистину бы уже ишел теперь на путь. Для того, сын мои, отпиши ко мне, где сидишь теперь? А ежели даст бог, да не в Якиню сидишь, а дошел в Дубровник, старайся же ты тоже не за себя самого, потому што я за тебя стараюсь и моя голова за твою голову; али старайся ты за мое дело забывь себя, потому што я в том деле сам есмы, и нехай твоя голова за мою голову, а бог благи бы за всех нас, иже от нас не отступает, а всегда сохраняет, на него же надеемся яко и еще сохранит по божескому и православному делу. А ты же смысли, коль далеко от главы до главы, толь далеко от моей ласки до твоей любови. Итак, будет тебе явно пред очима, коль велика ласка наша княжеская тебе верному рицалу и ближнему человеку. Такой тебе разговор посылаю и то все подкрепляю, да милостью божиею есть и будет во истину и в правду путь добрь и счасливь в Москву и на Астрахань и на Казань. Чти в преждеписанной грамотке, имейся добре, а пиши нам о всем подлинно. И вторицею приказываю: не дремли и отвори очи, чувайся по-латинску, а не по-московску; не забывай писат ко мне и часто учащай грамотки писать. Здоровь сын мои буди и терпи и стражди яко мои верный ближний служебник, а призывай в помощь аггела божиа Рафаила, ему же тебя богомь вручаю. Аминь. А ежели живешь в Якиню, знаи же: я писах Иерониму Перони о помочи, и сам вскоре буду. Не кручинься, стой весело, и меня ожидай вскоре, а вам буду писать пространнее в другой грамотке. Теперь мало пишу, а много скорблю, да радость приобрящу божиею помощию. Аминь.

156, июля въ 12 день, в вторник в Риме».

Второе письмо, посланное «верненаимильшему страдальцу» в Дубровник через четыре дня после первого, сообщает о переписке с дубровницким консулом в Анконе Л. Сторани и дубровчанами М. Бобали и И. Перони, находившимися тогда в Анконе. Имеются еще три письма — от 20 и 24 июля и 1 августа — доминиканцу Габриэлю, написанные по-итальянски, с сообщением о ходе разных хлопот.

Полагаем, что Тимошкина переписка заслуживает внимания как памятник московской эпистолярной литературы XVII в., своеобразный по языку и по стилю, и представляет интерес как исторический источник, комментирующий вопросы, особенно занимавшие тогдашнюю общественность: проблему самозванцев, связанную с критикой государственного и общественного строя, борьбу православия против экспансии католицизма и идеологию освободительной миссии России на православном Востоке, в частности на славянских Балканах.